

Внешняя политика XIX–XX веков

© 2011 г. Е. Ю. СЕРГЕЕВ*

«БОЛЬШАЯ ИГРА» В РОССИЙСКО-БРИТАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА: НОВЫЙ ВЗГЛЯД

«Большая игра» (The Great Game), отражавшая противоречивую динамику взаимоотношений Британской и Российской империй в Центральной и Восточной Азии, требует сегодня глубокого переосмысления и уточнения хронологических рамок, географической протяженности и содержания ее основных этапов. События более чем вековой давности продолжают вызывать огромный интерес не только у специалистов-историков, но и у политиков, дипломатов, военных, а также у представителей широкой общественности. Существенное облегчение доступа к архивным фондам большинства стран Европы и ряда стран Азии позволило историкам ввести в научный оборот множество ранее неизвестных источников, подвергнув их перекрестной верификации с помощью компаративного и междисциплинарного подходов. В ряде университетов США, Европы и Азии читаются курсы по истории «Большой игры» в контексте эволюции международных отношений Нового времени¹.

Если бы обычного человека, интересующегося событиями прошлого, попросили объяснить, что такое «Большая игра», то, скорее всего, он ответил бы, что это понятие относится к соперничеству Англии и России за контроль над Центральной Азией в XIX в., когда русские бросили вызов англичанам в странах Востока, вынудив их решать одновременно три взаимообусловленные задачи – сохранения баланса сил в Европе, обеспечения безопасности Индии как главного источника благосостояния метрополии и защиты стратегических торговых путей, связывавших бассейн Средиземного моря с Индийским и Тихим океанами. Однако такой взгляд на «Большую игру» является слишком узким и не отвечает современному состоянию научных знаний. Следует признать, что, несмотря на множество публикаций отставных военных и дипломатов, профессиональных журналистов, наконец, исследователей-первопроходцев, совершивших на протяжении нескольких десятилетий XIX–XX вв. опасные путешествия по государствам Азии, генезис, содержание и специфика основных этапов, а также воздействие «Большой игры» на международные отношения все еще остаются слабо изученными или мифологизированными. В современной исследовательской литературе, как отечественной, так и зарубежной, не говоря уже об изданиях, предназначенных для «широкой публики», история «Большой игры» по-прежнему представлена фрагментарно. Специалисты, как правило, рассматривают ее либо в границах определенных государственных образований (Персии, Афганистана, ханств Центральной Азии и т.д.), либо как процесс, обусловленный исключительно военно-политическими соображениями, либо как региональное явление, не связанное с модернизацией традиционных восточных обществ под влиянием европейских держав. Впрочем, сегодня это понятие чаще всего употребляется как популярная метафора геополитического соперничества различных государств – от США до Китая, что лишает его конкретно-исторического смысла².

* Сергеев Евгений Юрьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Прежде всего необходимо остановиться на происхождении самого термина «Большая игра». Документально установлено, что первым это выражение использовал А. Конолли, капитан 6-го Бенгальского полка легкой кавалерии, «смелый, изобретательный и амбициозный» молодой офицер на службе Ост-Индской компании³. П. Хопкирк полагал, что Конолли сравнивал выполнение секретных заданий на Востоке с игрой в овальный мяч, изобретенной У. Эллисом в знаменитой школе Регби в 1810-х гг.⁴ Познакомившись с Конолли, преисполненным стремлением совершить новый «крестовый поход» на Восток, прославленный британский путешественник, а впоследствии политический резидент в Центральной Азии А. Бёрнс записал в дневнике: «Он (Конолли. – Е.С.) взбалмошный, хотя и неплохой парень. Он собирается оживить Туркестан, отпустить там всех рабов на свободу и рассматривает наш приход туда как Промысел Божий по распространению христианства»⁵. По словам секретаря Политического и секретного департамента Министерства по делам Индии сэра Дж. Кайе, описавшего события первой англо-афганской войны и обнаружившего в 1843 г. упоминания о «Большой игре» в эпистолярном наследии Конолли⁶, тот даже считал возможным сначала преобразовать деспотию Среднего Востока в более «либеральные» режимы с помощью серии реформ, которые должны были осуществить местные правители при активном содействии европейцев-христиан (прежде всего британцев, как «защитников гуманизма и пионеров цивилизации»), а затем объединить эти модернизированные государственные образования в некую конфедерацию, имеющую характер «буфера», способного сдержать возможное наступление русских в направлении Персии, Афганистана, а самое главное – Индии. Таким образом, хотя Конолли, безусловно, не был религиозным фанатиком, он воспринимал себя, по крайней мере в переписке с родственниками и друзьями, «орудием Пророчества». Оно, как ему представлялось, вело с ним и подобными ему людьми «Игру», понимание высшего смысла которой было не по силам обычному человеческому разуму⁷.

Стремление к насаждению среди мусульман идеалов свободы и просвещения и желание не допустить их переход под власть «полуварваров-московитов» определяли мотивацию многих подданных королевы Виктории. Не случайно Э. Сайд в своем классическом труде по истории ориентализма обратил внимание на то, что на протяжении викторианской эпохи первооткрыватели и миссионеры рассматривались многими современниками как герои, «спасающие Восток от темноты, враждебности и отчужденности»⁸. При этом большинство секретных разведывательных командировок обычно выполнялись в затерянных уголках Азии младшими отпрысками дворянских семейств (пример семьи Конолли, 3 брата которого погибли в Индии, был типичен в этом отношении), состоявшими на службе Ост-Индской компании, остававшейся формально частным акционерным обществом, хотя и контролировавшимся английским правительством. Они рассматривались Лондоном и Калькуттой, где до 1910 г. находился административный центр британских владений, в качестве поездок, совершаемых путешественниками-любителями на свой страх и риск без какой-либо официальной санкции. Так, несмотря на то что британский посланник в Тегеране поддерживал исследовательскую экспедицию Конолли в Центральную Азию, а руководство Ост-Индской компании возместило офицеру все путевые затраты, премьер-министр сэр Р. Пиль, отвечая 24 августа 1843 г. на запрос одного из членов Палаты общин относительно судьбы исследователя, публично отверг причастность правительства к этому делу⁹.

Возможно, на ощущение «Игры» влияло и соревнование товаров и капиталов на азиатских рынках, где европейские компании получали шанс «испытать себя» при минимальном риске политических осложнений по сравнению со Старым светом. По словам английского историка М. Белоффа, «британские правящие круги принимали как данность то, что международный порядок формировался конкурирующими державами, в задачу которых входило обеспечение себя всеми доступными активами»¹⁰.

В 1870–1880-х гг. трактовка «Большой игры» претерпела заметные изменения. Любопытно, что в Лондоне в 1875 г. была издана анонимная брошюра «Большая игра.

Призыв к проведению Британией имперской политики». Автор памфлета ратовал за наступательный курс лондонского кабинета на периферии Европы, в Центральной и Южной Азии, не исключая при этом сотрудничества Англии и России. По его мнению, они могли бы объединить усилия для того, чтобы «обеспечивать мир и безопасность добной половине света», защищая ее от атак других держав, в том числе Китая¹¹. Но, несмотря на подобные публикации¹², вряд ли большинство английской или российской политической элиты сочувствовало азиатской политике противоположной стороны в период, когда обе империи балансировали на грани разрыва и начала военных действий. Не случайно одно из наиболее ярких своих выражений «Большая игра» получила в образах литературных героев Р. Киплинга – мальчика-полукровки Кима и его наставников, противодействовавших русским интригам на севере Индостана¹³. И хотя знаменитый писатель, можно сказать, уловил «дух эпохи», его роман о разветвленной и высокоэффективной секретной службе, созданной англичанами в Индии, отразил лишь один из аспектов «Игры» (причем автор в своем произведении не избежал предвзятости по отношению к русским агентам, преувеличив масштабы их деятельности против англичан)¹⁴. Именно Киплинг представил широкой публике борьбу за господство в Азии как секретную войну англичан против русских, а позднее еще и против французов, которые вступили в союзнические отношения с царем в 1890-х гг. Такое понимание «Большой игры» доминировало в общественном мнении европейских стран, США и Японии на протяжении XX в.¹⁵

На рубеже XIX–XX вв. многие политики, дипломаты и путешественники активно использовали лексику «Большой игры». К примеру, известный путешественник, разведчик, затем политический агент в Читрале, специальный уполномоченный по Тибету и представитель в Кашмире, капитан, а позднее полковник Ф. Янгхазбенд так описывал свои впечатления от встречи с царскими военными администраторами в районе Памира: «Мы и русские – конкуренты, но я уверен, что русские и английские офицеры по отдельности скорее найдут общий язык друг с другом, чем с лицами из других стран, которые не соперничают с ними. Мы все ведем “Большую игру”, и нам не следует всячески пытаться скрыть этот факт»¹⁶. «Опасность для нас таится не столько в игнорировании значимости государства шаха (т.е. Персии. – Е.С.) на шахматной доске Азии, сколько в очевидной неспособности наших руководителей на Даунинг-стрит осознать тот факт, что Игра уже в самом разгаре и что без немедленного хода с нашей стороны развязка не может быть отложена на долгое время, – характеризовал русско-британское соперничество в 1903 г. хорошо осведомленный исследователь стран Персидского залива Г. Уигхэм. – Настоятельно необходимо, чтобы ответный ход был бы сделан в правильном направлении. Мы играем против соперника, который давным-давно составил свой план кампаний и никогда не упускал возможности воплотить его в действительность. Его Игра профессиональна и последовательна, потому что он всегда знает свою конечную цель»¹⁷.

Видное место среди работ участников «Большой игры» занимает ряд фундаментальных трудов Д. Керзона, неутомимого путешественника, великолепного географа, блестящего дипломата и государственного деятеля¹⁸. Можно без преувеличения сказать, что он внес решающий вклад в разработку понятия «естественной» или «научной» границы (фронтала) пространственного расширения империй¹⁹. Г. Дэвис в 1924 г. определил «Большую игру» как серию разведывательных миссий, совершенных европейцами (прежде всего англичанами, русскими, французами и немцами) под видом купцов или паломников на отдаленных рубежах их колониальных владений²⁰. Спустя 20 лет британский историк Г. Уинт, размышляя о geopolитическом соревновании англичан и русских в Азии, справедливо заметил, что «правительства с каждой стороны предоставляли лицензии своим агентам на планирование и контрпланирование, не доводя дело до настоящего взрыва, и что-то вроде Игры возникало между ними по обоюдному, хотя и не признанному официально согласию»²¹.

Более глубокое исследование «Большой игры» началось уже во второй половине XX в. По мнению М. Эдвардса, «Большая игра» представляла собой соревнование за

политическое преобладание в Центральной Азии между демократической Британией и авторитарной Россией, полностью отвечавшее романтике дальних странствий и приключений викторианской эпохи. При этом он приводил слова графа К.В. Нессельроде, назвавшего секретную русско-британскую войну в Азии «турниром теней», в котором и Лондон, и Петербург стремились избежать открытой конфронтации²². С точки зрения Д. Джилларда, расстановка сил на Евразийском континенте в середине XIX в. изменилась в пользу Великобритании и России, т.е. тех империй, которые заменили Францию и Китай в качестве держав, соперничавших в борьбе за мировое лидерство. Крымская война 1853–1856 гг. открыла новую фазу этого соперничества, переместив центр тяжести восточной политики Лондона и Петербурга с Кавказа на Средний и Дальний Восток²³. В свою очередь, Д. Морган полагал, что «Большая игра» являлась скорее иллюзорным, чем реальным процессом. Он указал на необходимость перекрестной верификации разведывательной информации, собранной британскими и русскими военными и политическими агентами на местах, поскольку многие из них преувеличивали, а иногда даже прямо фальсифицировали сведения о «коварных и агрессивных» замыслах своих противников. «Турнир теней» Морган считал мифом, созданным некоторыми энтузиастами – молодыми офицерами колониальной службы – в собственных карьерных интересах²⁴.

Неоценимый вклад в расширение представлений о происхождении «Большой игры» внесли исследования Э. Ингрэма. «Между 1828 и 1907 гг., – писал он в первой своей монографии по данной тематике, – Большая игра в Азии представляла собой поиски Британией наилучшего способа отражения русской угрозы Индии». «Непреложным географическим фактом являлась необходимость для британцев защищать границу (frontier), в то время они не могли найти никого, кто бы взялся за это дело вместо них. Эти два обстоятельства и обусловили начало Большой игры», – утверждал историк²⁵. По его мнению, «репетиции Большой игры состоялись в Египте и Багдаде, когда в конце XVIII в. против Наполеона выступила вторая коалиция»²⁶. Таким образом, остройшая англо-французская борьба за господство в Европе завершила эру Колумба и одновременно дала старт «Большой игре», в которой Россия к началу 1820-х гг. заменила Францию²⁷. В своем заключительном труде Ингрэм пришел к неожиданному выводу о том, что «Большая игра» была вызвана стремлением британцев навязать остальному человечеству свои представления об устройстве мира, а затем избежать последствий провала этой попытки²⁸. «Большую игру» британский профессор рассматривал теперь как «изобретение англичан в соавторстве с турками, иранцами, афганцами и сикхами, направленное против русских»²⁹.

Нетрудно заметить, что практически все авторы, писавшие в годы холодной войны, как правило, ограничивали причины и проявления «Игры» одним-двумя политическими или экономическими аспектами. Более сбалансированный подход был намечен американским исследователем Д. Фромкиным, рассматривавшим «Игру» и в узком (собственно разведывательные операции), и в широком (как неотъемлемую часть русско-британского соперничества) планах³⁰.

Распад Советского Союза на рубеже 1980–1990-х гг. оживил интерес к истории «Большой игры». Бывшие дипломаты, разведчики и журналисты взялись за перо, чтобы осветить прошедшие события с позиций новых международных реалий. Так, Г. Уиттеридж, экс-посол Соединенного Королевства в Кабуле в 1965–1968 гг., назвал «Большую игру» серией «пробных шагов Британской и Российской империй на пространстве Центральной Азии с целью определения оптимальных защищенных границ»³¹. П. Хопкирк, чьи книги в жанре исторической беллетристики вызвали большой интерес читающей публики, а также американские журналисты К. Мейер и Ш. Брайсек создали живую, правда, далеко не всегда точную картину «викторианского пролога холодной войны». «Большую игру» они, вслед за Джиллардом, сравнивали с геостратегическим противоборством СССР и США в 1945–1991 гг.³² Л. Джеймс искал причины «Игры» в кардинальном несоответствии мировоззренческих представлений жителей Запада и России, сопоставимом с идеологической несовместимостью капитализма и

коммунизма. «Личные, политические и социальные свободы, которые характеризовали Британию и которые, по мнению многих, питали ее силу и величие, полностью отсутствовали в России», – отмечал он в своем труде о подъеме и падении империи, «где никогда не заходит солнце»³³. Напротив, П. Бробст утверждал, что «Большая игра была преимущественно экономическим соревнованием, однако коммерческая прибыль не выступала мерилом победы»³⁴. С точки зрения военного планирования и организации шпионской деятельности, «Большая игра» анализировалась английскими историками Р. Джонсоном и Д. Стюартом³⁵. Современный британский исследователь Ч. Аллен склонен воспринимать «Большую игру» как «длительную борьбу между Британией и Россией за политический контроль над великим открытым пространством Центральной Азии» и «опасное состязание между блефующими и контрблефующими участниками в условиях высокогорья»³⁶.

Многие аспекты взаимодействия Лондона и Петербурга в Азии были раскрыты в работах российских востоковедов конца XIX – начала XX в.³⁷ Труды К.К. Абазы, М.И. Венюкова, В.В. Григорьева, Н.И. Гродекова, М.В. Грулева, Л.Ф. Костенко, А.Н. Куропаткина, А.И. Макшеева, Д.И. Романовского, А.Е. Снесарева, Л.Н. Соболева, М.А. Терентьева особенно ценные содержащимся в них колossalным фактическим материалом, как правило, использовавшимся для жесткой критики правящих кругов Великобритании, по мнению авторов, всеми доступными средствами стремившихся противодействовать цивилизаторской миссии России на Востоке³⁸. Так, Грулев противопоставлял естественное, как он считал, продвижение русских границ в Центральной Азии искусенному появлению британцев в Индии. По его представлениям, отравившим позицию значительной части военной элиты, благородная цивилизаторская миссия России на «варварском Востоке» резко отличалась от британской колониальной экспансии, напоминавшей ему хищнические действия испанских конкистадоров в Западном полушарии³⁹.

Советская историография англо-русских отношений в Азии формировалась в тесной связи с разработкой общей концепции колониальной политики России. В 1920–1930-х гг. в ней доминировали оценки школы М.Н. Покровского, резко осуждавшей деятельность царской администрации. Однако после Великой Отечественной войны усилиями А.М. Панкратовой и других историков была сформулирована теория «наименьшего зла», в которой акцент переносился с критики действий царизма на доказательство прогрессивной роли России в странах Востока и добровольности их присоединения к империи Романовых. Таким образом, в 1950–1980-х гг. концепция англо-русского соперничества, разработанная еще в императорской России, вновь оказалась востребованной в отечественной исторической науке, только излагалась она теперь на языке марксистско-ленинской идеологии⁴⁰. И хотя исследователи, за редким исключением, старались не упоминать само словосочетание «Большая игра»⁴¹, отдельные аспекты англо-русской борьбы за Центральную и Восточную Азию получили в СССР довольно полное освещение. Как правило, советские историки писали о том, что Россия и Британия являлись агрессивными империалистическими державами, которые на протяжении всего XIX в. соперничали друг с другом в Азии за источники сырья и рынки сбыта. При этом азиатские народы считали британское колониальное господство менее гуманным и приемлемым, нежели порядки, установленные царскими властями на покоренных территориях. «Коварные планы британских империалистов» относительно Центральной Азии и Дальнего Востока предполагали образование враждебных России коалиций местных государств. В свою очередь, царское правительство вынуждено было разместить крупные воинские контингенты на южных и восточных границах империи, закрыть рынки Бухары, Хивы, Коканд и Маньчжурии для британских товаров (особенно из Индии) и вести разведывательные операции на территориях Персии, Афганистана, Северного Индостана, Западного и Северо-Восточного Китая⁴². Наиболее полно утверждение Российской империи в Средней Азии было описано Н.А. Халфиным, работы которого базировались на документах из архивов Ташкента, Москвы и Ленинграда⁴³. Не случайно он стал единственным советским историком,

монография которого, посвященная проблемам «Большой игры», увидела свет на Британских островах. Впрочем, зарубежные специалисты обоснованно критиковали этот труд за объяснение причин соперничества двух держав преимущественно столкновением их экономических интересов⁴⁴.

На рубеже XX–XXI вв. глубокого переосмыслиения русско-британских отношений вообще и «Большой игры» в частности, к сожалению, не произошло⁴⁵. В настоящее время отечественные историки чаще и свободнее обращаются к изучению русского колониального господства в Закавказье, Центральной и Восточной Азии, однако «Большая игра» по-прежнему освещается с помощью традиционных подходов и пропагандистских стереотипов об «империалистической, русофобской политике Великобритании» и прогрессивной, освободительной миссии России на Востоке. В то же время реанимируются представления, согласно которым «Большая игра» являлась прелюдией холодной войны 1950–1980-х гг. Иногда говорится даже о том, что «Большая игра» никогда и не заканчивалась, более того, со второй половины XX в. в нее якобы активно включились новые «игроки»: США, Китай, Иран и Пакистан, стремящиеся к гегемонии в Азии⁴⁶. «Термин английской историографии “Большая игра”, – как полагает М.Т. Кожекина, – сегодня не в ходу, но сама “Игра” – комплекс межгосударственных противоречий, борьба и соперничество в том же регионе – не только продолжается, но с распадом СССР, когда в круг ее участников были вовлечены в качестве самостоятельных государств все южные республики бывшего Союза ССР, – стала, пожалуй, даже активнее и жестче»⁴⁷. Некоторые современные публицисты изображают Россию и Великобританию извечными непримиримыми врагами, заявляя, будто «сутью исторических процессов последних столетий стало противоборство русского витязя, защищающего Родину, и британского завоевателя»⁴⁸.

Свою лепту в изучение «Большой игры» внесли и историки из азиатских государств. Вклад специалистов, имевших возможность работать с архивными материалами Ирана, Пакистана, Индии, Китая, Кореи и Японии, трудно переоценить. При этом если в 1950–1970-х гг. исследования большинства азиатских ученых отражали скорее пробританские настроения, сопровождавшиеся суровым осуждением деспотического колониального режима, установленного Россией в Туркестане и на временно оккупированных территориях Синьцзяна и Маньчжурии, то позднее, на завершающем этапе холодной войны, многие турецкие, иранские, пакистанские, индийские, китайские или корейские историки перешли к жесткой критике англо-русской конвенции 1907 г., рассматривая ее как сговор двух великих держав за спиной азиатских народов⁴⁹.

Вместе с тем бесконечное описание приключений и секретных операций в экзотических странах, а также односторонние, идеологизированные схемы мало что дают для понимания сущности «Большой игры» и ее воздействия на российско-британские отношения и всю систему международных связей второй половины XIX – начала XX в. Давно уже необходимо рассмотреть динамику и логику «Большой игры» в трех взаимообусловленных измерениях: как соревнование между различными моделями включения традиционных обществ в формировалась глобальную структуру политических, экономических и культурных контактов; как сложный многоуровневый процесс выработки и осуществления властными элитами России и Великобритании решений, касавшихся азиатских регионов; как критически важный этап в развитии российско-британских отношений, отразивший результирующую тенденцию постепенного перехода обеих держав от конфронтации к сотрудничеству.

Начало «Большой игры» Ингрэм, Морган, Эдвардес, Хопкирк, Мейер, Брайсек, Джонсон, а также индийский историк В. Чавда относят ко второй половине XVIII в. Джонсон называет в качестве исходной точки 1757 г., когда англичане приступили к систематическому покорению Индостана, британские историки видят истоки «Игры» в эпохе Наполеоновских войн. Так, Эдвардес указывает на обсуждение в Тильзите в июле 1807 г. проекта совместного похода российских и французских войск в Индию⁵⁰. Несколько вариантов датировки начала «Игры» можно обнаружить у Ингрэма (1798,

1828–1834 или 1828–1842 гг.)⁵¹. В своем заключительном исследовании о британской политике на Среднем Востоке он даже назвал точную дату – 29 декабря 1829 г. В этот день лорд Эленборо, президент Наблюдательного совета Ост-Индской компании и последовательный русофоб, рекомендовал генерал-губернатору Индии лорду Бентинку проложить новый торговый путь в Бухарское ханство. По мнению Ингрэма, это была реакция правительства герцога Веллингтона на заключение Туркманчайского и Адрианопольского договоров 1828–1829 гг., которые воспринимались в британских правящих кругах как установление вассальной зависимости Персии и Османской империи от России⁵².

Однако напряженность конца 1820-х – первой половины 1830-х гг. сменилась к середине 1840-х гг. периодом сближения. Только после того, как в результате Крымской войны выяснилась незаинтересованность великих держав, и, прежде всего, Великобритании, в разделе Османской империи, Лондон и Петербург вступили на путь соперничества в Центральной и Восточной Азии. Именно после Крымской войны расстановка сил в Восточном Средиземноморье претерпела существенные изменения, и хотя Константинополь и Черноморские проливы оставались «яблоком раздора» между державами вплоть до Первой мировой войны, фокус англо-русских отношений в Азии сместился в направлении Среднего, а затем и Дальнего Востока⁵³. «Перед Россией в Европе не стоит крупных задач, – докладывал Александру II А.М. Горчаков, – зато в Азии перед ней открывается громадное поле деятельности». Поддерживая министра, император оставил на полях меморандума пометку: «Я с этим совершенно согласен»⁵⁴.

Во второй половине 1850-х гг. на англо-русские отношения влиял целый ряд факторов, вызвавших к жизни «Большую игру»: борьба Персии и Афганистана за Герат в 1856–1857 гг., потребовавшая прямого вооруженного вмешательства англичан; восстание сипаев в 1857–1858 гг., вынудившее Уайтхолл приступить к пересмотру всей политики Великобритании в Азии, включая систему колониального управления Индией; окончание Кавказской войны; вторая опиумная война 1856–1860 гг., положившая начало разделу территории Цинской империи на сферы влияния между великими державами. Необходимо отметить и последствия первого всемирного экономического кризиса 1857–1858 гг.: английские фабриканты и торговцы стремились выйти из него, открыв для сбыта своей продукции азиатские рынки, что должно было компенсировать дефицит платежного баланса, возникший в торговле с континентальной Европой и США⁵⁵. Кульминация британской торговой экспансии в Азии почти совпала по времени с вступлением России в период индустриальной модернизации, значительно ускоренной либеральными реформами Александра II. Наконец, нельзя забывать и о роли Гражданской войны в США 1861–1865 гг., одним из результатов которой стало ощущимое сокращение экспорта хлопка-сырца в Европу, заставившее искать новые источники этого ценнейшего сырья в Северной Африке, а также на Ближнем и Среднем Востоке.

«Большая игра» прошла 5 последовательных фаз: в 1856–1864 гг. Лондон и Петербург собирали силы для решающей борьбы за господство в Азии; в 1864–1873 гг. царское правительство предприняло полномасштабное наступление на Коканд, Бухару и Хиву, а Уайтхолл стремился дипломатическими методами остановить движение русских в Центральной Азии; в 1874–1885 гг. расширение пространства взаимного соперничества, несмотря на отдельные попытки достижения компромисса, привело Россию и Британию на грань открытого вооруженного конфликта; в 1885–1905 гг. продолжение борьбы все более затруднялось и заходило в тупик, а сотрудничество только набирало силу; в 1905–1907 гг. подготовка и заключение англо-русской конвенции положили конец «Большой игре». Ее окончание было обусловлено так называемой дипломатической революцией 1902–1907 гг., когда выход Великобритании из «блестящей изоляции», возникновение Антанты и провал планов Германии создать континентальный военно-политический союз в противовес морским нациям коренным образом изменили расстановку сил в мире⁵⁶. Как справедливо отметил в своих воспоминаниях Ф. Янгхазбенд, с этого момента Великобритании надо было опасаться

не территориальных захватов какой-либо державы, а экспансии идей, которые могли разрушить ее колониальное управление азиатскими народами⁵⁷.

Впрочем, некоторые исследователи полагают, что соперничество Британской и Российской империй за господство в Азии продолжалось вплоть до конца 1917 г., когда большевики разорвали все прежние дипломатические соглашения. Так, молодая американская исследовательница Д. Сигел указывает на недовольство англо-русской конвенцией 1907 г. со стороны части властных элит России и Великобритании, особенно военных, пытавшихся саботировать ее выполнение. Таким образом, «соглашение 1907 г. оказалось не решением, а временным мостом над пропастью, которая разделяла британские и русские цели в Центральной Азии»⁵⁸. Английский историк-востоковед А. Лэмб также утверждает, что после 1907 г. «игра не закончилась, хотя и заняла второстепенное место в британском дипломатическом календаре»⁵⁹. Иные специалисты продлевают «Большую игру» до 1947 г., когда англичане вынуждены были предоставить независимость государствам Индостана⁶⁰, и даже до конца XX в.⁶¹

Географически «Большую игру» чаще всего локализуют «в регионе, протянувшемся от заснеженного Кавказа на западе, через обширные пустыни и горные хребты Центральной Азии, вплоть до Китайского Туркестана и Тибета на Востоке»⁶². Однако такое видение пространства «Игры» оправдано лишь в том случае, если рассматривать ее исключительно как совокупность усилий Великобритании, направленных на устранение русской угрозы Индии и против попыток царского правительства превратить небольшие высокогорные княжества на границах Индостана в протектораты Российской империи. Но не следует забывать, что пределы Pax Britannica тянулись от Багдада до Калькутты и дальше – до Сиднея в Австралии и Веллингтона в Новой Зеландии⁶³. Нужно учитывать и основные направления российского продвижения на Восток (через Западную Сибирь в сторону Синьцзяна, через Восточную Сибирь к берегам Тихого океана и через Центральную Азию, Иран и Афганистан к Персидскому заливу), сопровождавшегося возведением оборонительных линий, созданием военно-административных постов на подвижной границе, использованием казаков как передовой пограничной силы, стремлением к последующей административной инкорпорации новых территорий и, как правило, русификацией местного населения⁶⁴.

Ареал «Игры» не ограничивался Центральной Азией и Северо-Западной Индией, охватывая области между Каспием и побережьем дальневосточных морей (географические понятия Средний Восток и Центральная Азия могут использоваться как синонимы, включая Монголию, западную часть Китая, Тибет, северо-восточный Иран, Кашмир, Афганистан, Пакистан, восточную часть России южнее тайги, государства Средней Азии, Казахстан и северо-западные штаты Индии)⁶⁵. Условная линия между Центральной и Восточной Азией пролегает по административной границе, отделяющей Синьцзян и Тибет от провинций собственно ханьского Китая. Что же касается понятия Внутренняя или Высокая Азия («Inner or High Asia»), то оно употреблялось современниками описываемых событий преимущественно в связи с Восточным (Китайским) Туркестаном и Тибетским нагорьем. Соответственно географический термин Дальний Восток указывает на часть Восточной Азии, прилегающую к побережью Тихого океана. Каждый новый этап «Игры» смешал ее фокус на северо-восток: от конфликтной зоны на персидско-афганской границе через ханства Центральной Азии и северо-запад Индии к Памиру, Тибету и далее к Маньчжурии и Корее⁶⁶.

Облик ландшафтов, в которых проходила «Большая игра», варьировался от малоподных высокогорных плато Тянь-Шаня, Гиндукуша, Памира и Тибета до протяженных пустынь, каменистых степей и густонаселенных оазисов Центральной Азии. Естественно, эти рубежи далеко не всегда четко разделяли локальные этно-конфессиональные общности, внося в процесс «Большой игры» элемент неопределенности⁶⁷. Тесное сосуществование мультиэтнических, поликонфессиональных, как кочевых, так и оседлых социумов, адаптировавших свой быт к резко континентальному или субтропическому климату, составляло важнейшую особенность этой зоны. Другой ее характерной чертой являлось отсутствие значительных пресноводных водоемов за ис-

включением нескольких крупных рек, таких как Амударья (Окс) и Сырдарья (Яксарт). В условиях сурового климата с сезонными перепадами температур от -30° зимой до $+40^{\circ}$ летом европейским путешественникам, чиновникам и коммерсантам, а позднее и колонистам приходилось отражать нападения насекомых, змей, грызунов, которые нередко являлись переносчиками неизлечимых инфекционных заболеваний – чумы, холеры и малярии. Страницы путевых дневников заполнены леденящими кровь историями о гибели путешественников от диких зверей, стихийных бедствий или нападений бандитских шаек, в любое время года действовавших на торговых путях в «сердце Азии»⁶⁸.

Пространство «Большой игры» включало в себя крупные азиатские деспотии, правители которых стремились сохранить суверенитет и государственность, уходившую в глубокую древность (Персия, Афганистан, Хива, Бухара, Коканд). Особое место среди них занимала Цинская империя, переживавшая период упадка. Наряду с ними сохранились относительно небольшие ханства и эмирата, располагавшиеся от Персии до Тибета и входившие когда-то в состав обширных азиатских империй, а после их распада остававшиеся в номинальной вассальной зависимости от более крупных соседей. Именно территории таких полунезависимых государств в ходе «Большой игры» нередко рассматривались русскими и британцами как «ничейные земли». Отдельные труднодоступные районы были населены воинственными туркменскими, афганскими, памирскими, северо-индийскими и восточно-туркестанскими племенами, находившимися на протогосударственном уровне развития. Как правило, помимо скотоводства, земледелия и охоты мужская часть этих племен образовывала вооруженные отряды для совершения набегов на земледельческие поселения, торговые караваны и военные посты англичан, русских и китайцев. Большинство малых государственных образований, расположенных в регионах Внутренней Азии (в поясе долин и плато от Восточно-Афганистана до Тибета), благодаря изолированному географическому положению до начала XX в. фактически сохраняли внутреннюю автономию. Будучи окружены высочайшими горными хребтами с редкими, трудно доступными проходами, либо обширными песчаными пустынями и засушливыми степями, эти «затерянные миры» являлись «крепкими орешками» для любого завоевателя, который, пытаясь подчинить своей власти местных жителей, должен был преодолеть неисчислимые естественные препятствия и выжить в невыносимом климате.

«Игра» выступала неотъемлемым компонентом англо-русских отношений на протяжении викторианского и первой половины эдвардианского периодов. Благодаря или в связи с ней дипломатическая практика обогатилась такими дефинициями, как «государство-буфер», «естественная (научная) граница», «сфера влияния (интересов)», «разрядка» и т.д., которые вошли в понятийный аппарат международных отношений XX в. Для Британии, где происходила постоянная смена партийных кабинетов, именно «Большая игра» обеспечивала преемственность азиатской политики, о необходимости которой так убедительно говорил лорд Розбери⁶⁹. То же можно сказать и о России, учтивая различный характер царствований Александра II, Александра III и Николая II. Противоборство Лондона и Петербурга продолжалось вплоть до того момента, когда им стало ясно, что господство в Азии одной, пусть и могущественной, державы относится к геостратегическим утопиям. Тем не менее во многом именно благодаря «Большой игре» азиатские страны и народы оказались вовлечеными в глобальную систему политических, экономических и культурных связей, созданных европейцами в Новое время. Их включение в процесс индустриальной модернизации, по-разному осуществлявшееся Британией и Россией, стало ключевым аспектом «Большой игры». В ходе своего соперничества Россия и Британия стремились «переформатировать» всю Евразию в соответствии с собственными представлениями о мировом порядке. Именно поэтому вклад «Игры» не только в развитие отношений между Россией и Великобританией, но и в общий прогресс цивилизации заслуживает самой высокой оценки. Если глубоко задуматься о причинах, этапах и результатах «Большой игры», нетрудно прийти к заключению, что победителей и проигравших в этом соревновании не было⁷⁰.

Примечания

¹ Лекционный курс профессора Вашингтонского университета Д. Бога «The Great Game: The International Rivalry for Central Asia» см.: www.faculty.washington.edu/dbaugh. Аналогичные или близкие по тематике исследования проводятся в Колумбийском и Лондонском университетах, Оксфорде и Кембридже, во Французской школе восточных языков, в университетах Тегерана, Лахора, Ташкента, Дели и Пекина.

² См. анализ политической ситуации в Центральной Азии и на Кавказе после окончания холодной войны сквозь призму «Большой игры»: *Page S. The Creation of a Sphere of Influence: Russia and Central Asia // Canadian Institute of International Affairs, International Journal. 1994. Vol. 49. № 4; Cuthbertson I. The New ‘Great Game’ (Central Asia and the Transcaucasus) // World Policy Journal. 1994. Vol. 11. № 4; Ahrari M.E. The New Great Game in Muslim Central Asia // Macnair Paper. 1996. № 47; Lieven A. The (Not So) Great Game // National Interest. 1999; Rasizade A. The Specter of New ‘Great Game’ in Central Asia // Foreign Service Journal. 2002. № 11; Kleveman L. The New Great Game: Blood and Oil in Central Asia (oil and gas resources and the struggle to control them). N.Y., 2003.* В одной из коллективных работ авторы, сравнивая положение Китая и Индии в XXI в., используют понятие «Большая игра»: *China and India in Central Asia: A New ‘Great Game?’ Basingstoke, 2010.*

³ Появилось оно на полях копии письма, отправленного британским посланником в Кабуле губернатору Бомбея в 1840 г. Примерно тогда же Конолли вновь упомянул о «замечательной Большой игре» в одном из личных посланий к своему другу майору Генри Роулинсону, который впоследствии стал известным востоковедом и экспертом по проблемам российской внешней политики на Востоке (*Hopkirk P. The Great Game. On Secret Service in High Asia. Oxford, 1990. P. 123; Morgan G. Myth and Relaity in the Great Game // Asian Journal of the Royal Central Asian Society. 1973. Vol. 60. Part. 1. P. 55; Meyer K., Brysac S. Tournament of Shadows. The Great Game and the Race for Empire in Asia. L., 1999. P. 126–127; Johnson R. Spying for Empire. The Great Game in Central and South Asia, 1757–1947. L., 2006. P. 53.*).

⁴ *Hopkirk P. Quest for Kim. In Search of Kipling’s Great Game. Oxford, 1996. P. 6–7.*

⁵ *Meyer K., Brysac S. Op. cit. P. 127.*

⁶ *Fleming P. Bayonets to Lhasa. The First Full Account of the British Invasion of Tibet in 1904. L., 1961. P. 30; Hauner M. The Last Great Game // The Middle East Journal. 1984. Vol. 38. № 1. P. 72.*

⁷ India Office Library and Records (IOLR) /F/4/1385. Arthur Conolly and his «Newswriter». См. также: *Meyer K., Brysac S. Op. cit. P. 126.*

⁸ *Said E. Orientalism. L., 1978. P. 121.*

⁹ *The Hansard Parliamentary Debates (PD). Ser. III. Vol. 71. Col. 1011–1012.*

¹⁰ *Belloff M. Imperial Sunset. Vol. 1. L., 1969. P. 5.*

¹¹ *Anonymous. The Great Game. A Plea for a British Imperial Policy. L., 1875. P. 174–175.*

¹² Подробнее см.: *Кожекина М.Т., Федорова И.Е. Политика Великобритании и США на Среднем Востоке в английской и американской историографии (очерки). М., 1989; Жигалина О.И. Великобритания на Среднем Востоке (XIX – начало XX в.). Анализ внешнеполитических концепций. М., 1990; Данков А.Г. Британская историография второй половины XIX в. об англо-русских противоречиях в Центральной Азии // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 300 (I). С. 87–90.*

¹³ *Fromkin D. The Great Game in Asia // Foreing Affairs. 1980. Vol. 58. № 4. P. 936.*

¹⁴ *Lamb A. Britain and Chinese Central Asia. The Road to Lhasa, 1767 to 1905. L., 1960. P. X; Macgregor J. Tibet. A Chronicle of Exploration. L., 1970. P. 256.*

¹⁵ *Kipling R. Kim. L., 1966. P. 285–286. Анализ основных сюжетных линий романа, связанных с русской угрозой Британской Индии, см.: Hopkirk P. Quest for Kim. P. 202–222.*

¹⁶ *Younghusband F. The Heart of a Continent. A Narrative of Travels in Manchuria across the Gobi Desert, through the Himalayas, the Pamirs, and Hunza 1884–1894. L., 1904. P. 238.*

¹⁷ *Whigham H. The Persian Problem. An Examination of the Rival Positions of Russia and Great Britain in Persia with some Account of the Persian Gulf and the Baghdad Railway. L., 1903. P. 1–2.*

¹⁸ *Curzon G. Russia in Central Asia in 1889. L., 1889; idem. Persia and the Persian Question. L., Vol. 1–2. 1892; idem. Problems of the Far East. Japan – Korea – China. L., 1896.*

¹⁹ *Curzon G. Frontiers. Oxford, 1907.*

²⁰ *Davis H. The Great Game in Asia, 1800–1844. L.; Oxford, 1927.*

²¹ *Wint G. The British in Asia. L., 1947. P. 142.*

²² *Edwardes M. Playing the Great Game. L., 1975. P. VII–VIII. О концепции К.В. Нессельроде см.: Sarila N.S. The Shadow of the Great Game – The Untold Story of India’s Partition. L., 2006. P. 18.*

- ²³ Gillard D. The Struggle for Asia, 1828–1914. A Study in British and Russian Imperialism. L., 1977. P. 9, 95.
- ²⁴ Morgan G. Myth and Reality in the Great Game. P. 64–65; *idem*. Anglo-Russian Rivalry in Central Asia: 1810–1895. L., 1981. P. 133–158.
- ²⁵ Ingram E. The Beginning of the Great Game in Asia, 1828–1834. L., 1979. P. 13, 339.
- ²⁶ *Idem*. Commitment to Empire: Prophesies of the Great Game in Asia, 1797–1800. Oxford, 1981. P. 17.
- ²⁷ *Ibid*. P. 399–401.
- ²⁸ Ingram E. In Defence of British India. Great Britain in the Middle East, 1775–1842. L, 1984. P. 7.
- ²⁹ *Ibid*. P. 152.
- ³⁰ Fromkin D. Op. cit. P. 936–951.
- ³¹ Whitteridge G. Charles Masson of Afghanistan: Explorer, Archaeologist, Numismatist and Intelligence Agent. Westminster, 1986. P. 114.
- ³² Hopkirk P. The Great Game. P. 2. См. также: *idem*. Trespassers on the Roof of the World. The Race for Lhasa. L., 1982; *idem*. On Secret Service East of Constantinople. The Plot to Bring Down the British Empire. L., 1994; Meyer K., Brysac S. Op. cit. P. XXV. Подробнее см.: Gillard D. Op. cit. P. 181–185.
- ³³ James L. The Rise and Fall of the British Empire. L., 1994. P. 180.
- ³⁴ Brobst P. The Future of the Great Game. Sir Olaf Caroe, India's Independence and the Defence of Asia. Akron; Ohio, 2005. P. 75.
- ³⁵ Johnson R. Op. cit.; Stewart J. Spying for the Raj. The Pundits and the Mapping of the Himalaya. Phoenix Mill, 2006.
- ³⁶ Allen C. Duel in the Snows. The True Story of the Younghusband Mission to Lhasa. L., 2004. P. 18.
- ³⁷ См., например: Бокиев О.В. Англо-русское соперничество в Средней Азии в связи с присоединением территории Таджикистана к России // Актуальные проблемы истории и историографии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX в.). Душанбе, 1990. С. 3–29; Рыженков М.Р. Роль военного ведомства России в развитии отечественного востоковедения в XIX – начале XX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991.
- ³⁸ См., в частности: Абаза К.К. Завоевание Туркестана. Рассказы из военной истории, быта и нравов туземцев в общедоступном изложении. СПб., 1902; Венюков М.И. Краткий очерк английских владений в Азии. СПб., 1875; Григорьев В.В. Русская политика в отношении к Средней Азии (историографический очерк). СПб., 1874; Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Т. 1–4. СПб., 1883–1884; Грулев М.В. Соперничество России и Англии в Центральной Азии. СПб., 1909; Костенко Л.Ф. Исторический очерк распространения русского владычества в Средней Азии // Военный сборник. 1887. № 8. С. 145–178; № 9. С. 5–37; № 10. С. 139–160; № 11. С. 5–35; Куропаткин А.Н. Завоевание Туркмении (поход в Ахал-Теке в 1880–1881 гг.). С очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 г. СПб., 1899; Макшеев А.И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПб., 1890; Романовский Д.И. Заметки по среднеазиатскому вопросу. СПб., 1868; Снесарев А.Е. Англо-русская конвенция 1907 г. СПб., 1908; Соболев Л.Н. Англо-афганская распрая (очерк войны 1879–1880 гг.). Т. 1–4. Вып. 1–8. СПб., 1880–1885; Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875.
- ³⁹ Грулев М.В. Указ. соч. С. 1–3.
- ⁴⁰ Мартirosов С.З. Англо-русские противоречия в Средней Азии в дореволюционной и советской исторической литературе. Чарджоу, 1962. Подробнее о советской историографии колониальной политики России и Великобритании см.: Егоренко О.А. Бухарский эмирят в период протектората России (1868–1920 гг.). Историография проблемы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008; Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008; Абдилдабеков А.М. Почему была табуирована история восстания Кенесары Касымова в советское время? // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 12(150). История. Вып. 31. С. 138–144; Данков А.Г. Отечественная и британская историография о соперничестве России и Великобритании в Центральной Азии (XIX – начало XXI в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2009.
- ⁴¹ К примеру, оно не употреблялось в таких фундаментальных изданиях советского периода, как «Всемирная история», «История дипломатии» или «История стран Азии и Африки в Новое время». Впрочем, его можно встретить в работах Н.А. Халфина (см. сноска 43) и Б.С. Маннанова: Маннанов Б.С. Современная буржуазная историография о некоторых аспектах истории англо-русских отношений на Среднем Востоке (из истории «Большой игры») // Фальсификаторы

ры истории (критика буржуазной историографии Средней Азии и стран зарубежного Востока). Ташкент, 1985. С. 51–75.

⁴² Попов А.Л. Борьба за среднеазиатский плацдарм // Исторические записки. 1940. Т. 7. С. 182–235; Штейнберг Е.Л. История английской агрессии на Среднем Востоке. М., 1951; Ходятов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии (60-е – 70-е гг. XIX в.). Ташкент, 1969; Кинятина Н.С. Средняя Азия во внешнеполитических планах царизма (50-е–80-е гг. XIX в.) // Вопросы истории. 1974. № 2. С. 56–71; Жигалина О.И. Указ. соч. См. также: Терентьев Н.В. Советская историография англо-русского соперничества в Средней Азии в первой половине XIX века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2003.

⁴³ Халфин Н.А. Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е гг. XIX в.). Ташкент, 1957; он же. Политика России в Центральной Азии. М., 1960; он же. Присоединение Средней Азии к России (60-е – 90-е гг. XIX в.). М., 1965; он же. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М., 1974.

⁴⁴ Khalfin N.A. Russia's Policy in Central Asia, 1857–1868... A condensed version of the original Russian done by Hubert Evans. L.; Oxford, 1964.

⁴⁵ Редким исключением стали две монографии, в которых, хотя и вне контекста «Большой игры», положительно оцениваются англо-русские контакты XIX–XX вв.: Засихин А.Н. «Глядя из Лондона». Россия в общественном мнении Британии. Вторая половина XIX – начало XX в. Архангельск, 1994; Зырянов А.В. Великобритания: взгляд из России. Екатеринбург, 2005.

⁴⁶ Широкорад А.Б. Россия – Англия, неизвестная война, 1857–1907. М., 2003; Леонтьев М. Большая игра. М.; СПб., 2008; Порохов С.Ю. Битва империй: Англия против России. М.; СПб., 2008.

⁴⁷ Кожекина М.Т. Миссия генерала Н.С. Ермолова в Индию (1911 г.) // Восточный архив. 1999. № 2–3. С. 85.

⁴⁸ Порохов С.Ю. Указ. соч. С. 6.

⁴⁹ Kazemzadeh F. Russia and Britain in Persia, 1864–1914. New Haven, 1968; Mehra P. The Younghusband Expedition. An Interpretation. L., 1968; Hassnain F.M. British Policy towards Kashmir (1846–1921). (Kashmir in Anglo-Russian Politics). New Delhi, 1974; Nazem H. Russia and Great Britain in Iran (1900–1914). Teheran, 1975; Addy P. Tibet on the Imperial Chessboard: The Making of British Policy towards Lhasa, 1899–1905. Calcutta; New Delhi, 1984; Furen Wang, Wenting Suo. Highlights of Tibetan Policy. Peking, 1984; Myung Hyun Cho. Korea and the Major Powers. An Analysis of Power Structure in East Asia. Seoul, 1989; Warikoo K. Central Asia and Kashmir. A Study in the Context of Anglo-Russian Rivalry. New Delhi, 1989; Goradia N. Lord Curzon. The Last of the British Moguls. Delhi, 1993; Sukash C. Afghanistan and the Great Game. Delhi, 2002; Mojtabae-Zadeh P. The Small Players of the Great Game: the Settlement of Iran's Eastern Borderlands and the Creation of Afghanistan. L., 2004.

⁵⁰ Edwardes M. Op. cit. P. 3. См. также: Chavda V. India, Britain, Russia. A Study in British Opinion (1838–1878). Delhi, 1967. P. 23.

⁵¹ См., например: Ingram E. In Defence of British India. P. 2; idem. Commitment to Empire. P. 17; idem. The Beginning of the Great Game. P. X, 13.

⁵² Ingram E. In Defence of British India. P. 7, 11.

⁵³ Anderson M. The Eastern Question, 1774–1923: A Study in International Relations. L.; N.Y., 1966; Восточный вопрос во внешней политике России, конец XVIII – начало XX в. М., 1978; Macfie A. The Eastern Question. L., 1989.

⁵⁴ Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961. С. 86.

⁵⁵ Darby P. Three Faces of Imperialism. British and American Approaches to Asia and Africa. 1870–1970. New Haven; L., 1987. P. 56; Latham A. The International Economy and the Underdeveloped World. L., 1978.

⁵⁶ См.: Сергеев Е.Ю. Дипломатическая революция 1907 г. в отношениях России и Великобритании // Восток. 2008. № 2. С. 80–93.

⁵⁷ Younghusband F. The Light of Experience. A Review of Some Men and Events of My Time. L., 1927. P. 107.

⁵⁸ Siegel J. Endgame. Britain, Russia and the Final Struggle for Central Asia. L.; N.Y. P. 197. Одна из глав ее книги так и называется: «Смерть англо-русского соглашения в 1914 г.». См. также: Marshall A. The Russian General Staff and Asia, 1800–1917. L.; N.Y., 2006. P. 161–162.

⁵⁹ Lamb A. British India and Tibet, 1766–1910. L.; N.Y., 1986. P. 283.

⁶⁰ Johnson R. Spying for Empire. P. 24.

⁶¹ Brobst P. Op. cit. P. XIII; Hauner M. The Last Great Game. P. 73–74, 200. Необоснованной представляется и датировка, предложенная Морганом, который связал окончание «Игры» с урегулированием англо-русско-китайского конфликта на Памире в 1895 г.: Morgan G. Op. cit. P. 200–214.

⁶² Hopkirk P. The Great Game. P. 2.

⁶³ Цит. по: Keith J. The Eastern Arc of Empire: A Strategic View 1850–1950 // The Journal of Strategic Studies. 1982. Vol. 5. № 4. P. 534.

⁶⁴ О расширении восточных границ Российской империи см.: Рибер А. Указ соч. С. 61–62; Strelbelsky I. The Frontier in Central Asia // Studies in Russian Historical Geography. Vol. 1. L., 1983. P. 143–173.

⁶⁵ Улунян А.А. Новая политическая география. М., 2009. С. 127.

⁶⁶ См.: Hopkirk P. Trespassers on the Roof of the World. P. 150.

⁶⁷ Curzon G. The «Scientific Frontier» an Accomplished Fact // The Nineteenth Century. 1888. № 136. P. 901–917; *idem*. The Fluctuating Frontier of Russia in Asia // The Nineteenth Century. 1889. № 144. P. 267–283; *idem*. Frontiers. Oxford, 1907. См. также: Lamb F. Asian Frontiers. Studies in a Continuing Problem. L., 1968; Hauner M. The Last Great Game. P. 74–75.

⁶⁸ Любопытно и небесполезно сравнить оценки известных российских и европейских путешественников, например, Н.М. Пржевальского и А. Вамбери: Пржевальский Н.М. Современное положение Центральной Азии // Русский вестник. 1886. № 186. С. 473–524; Vambery A. Western Culture in Eastern Lands. A Comparison of the Methods Adopted by England and Russia in the Middle East. L., 1906; *idem*. His Life and Adventures. L., Leipzig, 1914.

⁶⁹ Rhodes J. Rosebery. A Biography of Archibald Philip, Fifth Earl of Rosebery. L., 1963. P. 192.

⁷⁰ Впрочем, мнения историков на этот счет расходятся. См.: Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии и англо-русское соперничество (1857–1876). С. 40; Gillard D. Op. cit. P. 179.

© 2011 г. С. В. ЛИСТИКОВ*

ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ И «РУССКИЙ ВОПРОС»: РЕШЕНИЯ ВЕРСАЛЬСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 1919–1920 ГОДОВ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

В январе 1919 г. в Париже собрались лидеры государств, победивших в Мировой войне, для подведения ее итогов и определения будущего народов, искренне надеявшихся, что кровавый кошмар более не повторится. Работа конференции, где доминировали представители «большой пятерки» держав (Англии, Франции, США, Италии, Японии), проходила в крайне сложных условиях. Под влиянием успеха большевиков в России Европу сотрясала революционная волна, прокатившаяся по Германии, Австрии, Венгрии, Словакии. Социалистические и коммунистические партии усиливали свое влияние на «разбуженные» войной массы трудящихся, развернулись упорные стачечные бои. Болезненный процесс распада великих империй и образования новых государств привел к росту патриотических и националистических настроений. Сталкивались интересы молодых и старых стран, пытавшихся в Версале узаконить свои притязания. На огромной территории бывшей Российской империи кипела Гражданская война, вовлекшая в свою орбиту помимо белых и красных и другие силы, величину и политическую ориентацию которых на Западе нередко представляли весьма туманно. По периметру ее прежних границ возникло с десяток национальных республик и правительства, отправивших делегации в Париж и добивавшихся признания независимости со стороны великих держав¹.

* Листиков Сергей Викторович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.